

В.М. Мокиенко

ПРИНЦИПЫ ЛАРИНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ТРЕХТОМНОМ БОЛЬШОМ СЛОВАРЕ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК И СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье излагаются основополагающие принципы лексикографирования, разработанные профессором Б.А. Лариным и его школой: принцип полноты словника, принцип комплексного описания вокабул, принцип точной паспортизации материала, принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц, принцип историзма. Они стали руководством при составлении трёхтомного «Большого словаря пословиц, поговорок и сравнений русского языка» (2008–2010 гг.). Его авторы (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева) последовательно ориентировались на эти принципы, учитывая как специфику описываемого материала, так и конкретные ограничения, заданные им. Общий объем паремий, описанных в словаре, 155 000.

Ключевые слова: лексикография, Б.А. Ларин, Большой словарь пословиц, поговорок и сравнений русского языка, принципы лексикографирования.

Ленинградских / петербургских и томских словарников многое объединяет. Общие подходы к системе описания слова, лексикографический максимализм, стремление органически сочетать современную лингвистическую теорию со словарной прагматикой, внимание к семантическим, стилистическим и локальным нюансам формы и содержания, закодированных в лексике, – всё это и многое другое роднит Ларинскую и Томскую лексикографические школы.

Одна из доминант нашей научной деятельности – это внимание к живому слову. Монументальный труд томских лексикографов «Комплексное исследование русских говоров Среднего Приобья (1964–1995 гг.)», удостоенный Государственной премии, и «Полный словарь сибирского говора» (1992–1995) (далее – ПССГ) [1], Вершининский словарь стали и остаются альфой и омегой отечественной лексикографии, нацеленной именно на выявление закономерностей живой речи. Не случайно главным объектом изучения томских лингвистов являются территориальные диалекты. Многие, что потом было перенесено на принципы лексикографической разработки литературной, общеразговорной, просторечной лексики, образных

средств русского языка и т. д., рождалось и выкристаллизовывалось здесь, в Томском университете, в диалектологических экспедициях, в живой лаборатории, где куётся народное Слово во всём его многоцветии. И наша послевоенная ленинградская лексикография ларинского извода начиналась именно со словарного описания русских говоров. Б.А. Ларин уже в конце 1940-х гг. начал разработку принципов «Псковского областного словаря с историческими данными» (далее – ПОС) [2], во многом определившего принципы и практику разработки всех наших словарей. На ПОС [2] мы, ларинцы, учились и продолжаем учиться.

Принцип полноты, сформулированный и воплощенный в словарях разного типа Б.А. Лариным, доказал свою состоятельность (см.: [Мокиенко, 1999]). А ведь именно этот принцип и стал камнем преткновения в 1960-е гг., когда глава академической лексикографии Ф.П. Филин именовал и наш ПОС, и «Полный словарь сибирского говора» *синей птицей*, считая единственно возможным жанром диалектографии лишь словарь дифференциальный.

Да, мы, ленинградские и томские ларинцы, погнались за синей птицей, и она оказалась не синицей, а настоящим журавлём в руках наших читателей – ценителей народного слова. Полный словарь позволил показать живое русское слово во всей его полновесности, во всех «обертонах смысла», во всех словообразовательных и фразеологических ипостасях. Разумеется, это потребовало напряжённого, постоянного труда, создания миллионных картотек живой речи, регулярных выездов в поле и неизбежных хлопот при издании каждого тома наших словарей. Но ПОС [2] и ПССГ [1] опубликованы, по их материалам написаны монографии и диссертации, а самое главное – синяя птица русских диалектов, попавшая в сети мощных катаклизмов после коллективизации и разорения русской деревни, осталась живой и реальной благодаря её полному живописному лексикографическому воспроизведению.

Сопоставляя результаты работы петербургских ларинцов и учеников О.И. Блиновой, легко найти диалектическую перекличку идей, методов словарной работы, способов собирания материалов живой речи и их обработки. Может, именно поэтому и масштабы результативности наших школ весьма соразмерны и сопоставимы.

Понятно, что на Томской конференции также будут подводиться итоги работы членов Томской лексикографической школы и наме-

чатся планы на будущее. Заявленная мною тема – один из аспектов такой работы, но в нём отражаются общие доминанты нашей лексикографии, прежде всего – стремление к полноте описания языковых фактов, комплексность их воспроизведения в словарях и детализированность семантической и локальной характеристики. Это, собственно говоря, и есть основополагающие принципы лексикографирования, разработанные проф. Б.А. Лариным и его школой: принцип полноты словника, принцип точной паспортизации материала, принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц, принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики, принцип комплексного описания вокабул. Именно эти принципы стали руководством при составлении трёхтомного «Большого словаря пословиц, поговорок и сравнений русского языка» [3, 4, 5]. Его авторы (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева) последовательно ориентировались на эти принципы, учитывая как специфику описываемого материала, так и конкретные ограничения, заданные им. Общий объём паремий, описанных в словаре, – 155 000, т.е. более чем в 7 раз больше, чем в знаменитом многократно переиздаваемом паремиологическом собрании В.И. Даля «Пословицы русского народа» [6], впервые увидевшем свет в 1861–1862 гг. Картотека для наших словарей, насчитывающая около 300 000 единиц, создавалась более чем 40 лет и хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина (СПбГУ).

Источники картотеки и, соответственно, наших словарей различны. Во-первых, это извлечения из большинства собраний русского фольклора; во-вторых, материалы из произведений классической и современной литературы; в-третьих, фиксация живой фразеологии из средств массовой информации (публицистики, радио, телевидения и Интернета); в-четвертых, пословицы, поговорки и сравнения из литературных, фразеологических, диалектных и жаргонных словарей и картотек; наконец, материал из наших собственных записей современной речи и ответов на анкеты по специальной авторской программе. Картотека и её компьютерная обработка, как кажется, и дали возможность сделать почти полную выборку яркого по образности материала, отражающего жизнь русского народа во многих её аспектах и демонстрирующего связи русского языка со славянскими и неславянскими языками Европы.

Многие принципы лексикографической обработки русских поговорок авторами этого Словаря были отработаны при составлении свода пословиц и поговорок Псковщины [7]. На его составление нас подвиг бесценный опыт составителей региональных словариков русской народной фразеологии, издававшихся в Самаркандских научных сборниках в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Л.И. Ройзензоном и его сотрудниками [8, 9, 10]. По примеру самаркандских диалектологов-фразеографов в 1970-х гг. и позднее создаётся несколько словарей севернорусской народной фразеологии. К ним относится фразеологический словарь русских говоров Сибири [11, 12], составленный коллективом новосибирских фразеологов под руководством А.И. Федорова; ценное собрание пермских народных выражений К.Н. Прокошевой [13, 14], «Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми» И.А. Кобелевой [15] и «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» Н.А. Ставшиной [16]. Ярким и уникальным «Словарь образных слов и выражений народного говора» О.И. Блиновой, С.Э. Мартыновой и Е.А. Юриной под ред. О.И. Блиновой, выдержавший 2 издания [17, 18]. Его материалы, как и другие словари, созданные томскими лексикографами, также стали ценным источником наших словарей.

1. Принцип лексикографической полноты

Уже сам объём пословиц и поговорок, описанный в петербургском паремииологическом трёхтомнике, является материализацией принципа лексикографической полноты, объединяющего ларинскую школу со школой О.И. Блиновой. Наш словарь создан в **жанре паремииологического тезауруса**. Разумеется, воплощение принципа полноты в каждом отдельном словаре трёхтомника имело свою специфику, вызванную структурно-семантическими особенностями пословицы, поговорки и устойчивого сравнения. Этот факт обусловил и то, что в некоторых случаях между тремя томами нашего паремииологического тезауруса читатель может найти определённые пересечения. Таково, в частности, «дублетное» описание языковых единиц, имеющих компаративную структуру, во втором томе нашего тезауруса – «Большого словаря русских народных сравнений» [4] и в третьем томе – «Большом словаре русских пословиц» [5]: *Хозяин в дому как Аврам в раю; Деньги что галки: всё в стаю сбиваются; В монастыре что в лавке: всё за деньги; Несолоно хлебать, что немилостиво целовать; Дураку наука что ребёнку огонь; За красою как за*

ягодой: в лесок не сбегает» и т. п. При этом, однако, такое описание в каждом из них специализируется, поэтому полной дублетности таких паремий нет.

В трёх томах нашего словаря даётся синтетическое описание общенародной фразеологии национального языка, т.е. в один словарный корпус включены как идиомы народного происхождения, «заквашенные» на собственно русском духе, так и фразеологизмы литературного происхождения, включающие и многие обороты интернационального (resp. общеевропейского) происхождения. Нашей целью было дать максимально полный свод русской национальной идиоматики во всех её функционально-стилистических сферах – литературной, публицистической, диалектной, разговорно-просторечной, субстандартной и профессиональной. Собственно, и здесь мы во многом следовали максималистскому принципу Б.А. Ларина. Такой подход, вытекающий из традиций европейской лексикографии, является продуктивным уже потому, что даёт возможность лексикографически представить ту или иную часть национального языка как относительно полную систему. На материале русских пословиц, поговорок и сравнений такая попытка и сделана в нашем трёхтомнике.

2. Принцип точной паспортизации материала

Паспортизация описываемых языковых единиц, педантично точное указание на их источник, вытекает из принципа полноты. Этот принцип позволяет локализовать каждую пословицу и поговорку в наших словарях во времени и пространстве, что является, с нашей точки зрения, их существенным отличием от многих словарей и русских собраний паремиологии, где такая информация не представлена.

Особенно целенаправленно паспортизировались извлечения из множества русских диалектных словарей XIX–XX вв. Расцвет русской диалектографии послевоенного периода, стимулированный программой лингвистического атласа, дал всем, кого интересует наше народное Слово, свежий фактический материал. Для паремиологов столь ценный источник, как диалектные словари и картотеки центров региональной лексикографии России (Москва, Петербург, Псков, Новгород, Смоленск, Вологда, Волгоград, Саранск, Новосибирск, Томск, Омск, Иркутск и др.), оказался не только заманчивым объектом пополнения сокровищницы наших пословиц, но и весьма «твёрдым орешком» для практической работы. Ведь во многих диа-

лектных словарях пословицы, в отличие от поговорок (resp. фразеологизмов), лексикографически не маркируются, входя (по классическому примеру «Толкового словаря» В.И. Даля) в иллюстративную, контекстную их часть. Поэтому искателю пословичных жемчужин приходилось с головой нырять в глубины контекстной части этих словарей, внимательно, строчка за строчкой, вчитываясь в текст диалектных иллюстраций, чтобы не упустить ни одной современной паремии, сокрытой в раковинах живой речи. Составители настоящего словаря именно так и поступали, многие годы регулярно «переваривая» диалектный материал, постоянно поступавший из медленно, но верно выходявших многотомных «долгостройных» словарей или небольших, но быстро выпускавшихся региональных словариков.

Такая чрезвычайно трудоёмкая работа не только значительно пополнила паремиологический фонд русского языка, накопленный с XVII в. многочисленными собирателями «малого жанра» нашего фольклора, но и – что кажется первостепенно важным – позволила достаточно точно определить пространственные границы многих пословиц и их вариантов.

3. Принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц

В нашем словаре каждая пословица **предельно точно локализуется на географической карте России**, что также кардинально отличает его от паремиологических собраний наших предшественников, где источник описываемых пословиц и поговорок, как правило, точно не указывается, а в лучшем случае к словарю или сборнику прилагается список использованной литературы. Региональные же пометы в русских собраниях пословиц и поговорок – это лишь отдельные глоссы обобщающего характера: даже в надёжном сборнике М.А. Рыбниковой [19], где попытка регионального «опомечивания» проводится достаточно последовательно (хотя и далеко не полно), оно делается лишь «крупномасштабно», пометами типа *севернорус.*, *южнорус.*, *центральные обл.* Материал настоящих словарей показывает относительность и неточность такой обобщённой региональной характеристики и значительно расширяет её для паремий, описанных М.А. Рыбниковой. Для нас, составителей трёхтомного словаря, точная паспортизация каждой поговорки и пословицы не только и даже не столько показатель аутентичности описываемых паремий. Главная цель такой паспортизации – дать читателю максимально

точную и полную их хронологическую и пространственную характеристику.

Пространственная (ареальная) характеристика выражается здесь эксплицитно: после вокабульной части словарей даются (по мере возможности, обеспечиваемой нашими источниками) локальные пометы, характеризующие место фиксации пословиц в использованных источниках. В случаях, когда ряд источников велик и цепь локальных помет была бы излишне пространна и пестра, ареальная характеристика имплицитно «закодирована» в точном приведении самих источников и может быть при необходимости легко воспроизведена самим читателем на их основе.

Хронологическая характеристика достигается имплицитно – путём точной паспортизации источников, которые расположены в **хронологическом порядке**. Именно поэтому на первых «паспортно-зационных» местах здесь оказываются такие источники, как П. Симони (Сим.), отразивший русскую паремиологию XVII–XIX вв., Тонниес Фенне, Н. Курганов, А. Барсов (1770), А. Богданович, А.И. Богданов и т. д., а на последних – новейшие сборники русских пословиц и поговорок, современные общие диалектные словари или паремиологические исследования, в которых представлен оригинальный и свежий материал. Весьма трудоёмкой оказалась сплошная выборка пословиц и поговорок из наших исторических словарей, составление которых медленно, но верно движется к концу. Такие словари, как «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [20]; «Словарь русского языка XVIII в.» [21]; «Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)» [22]; «Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника» [23], были расписаны полностью, а «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [24] – выборочно, при отсутствии соответствующих материалов в вышеназванных словарях. Поскольку в исторических словарях (как, впрочем, и во многих общих и диалектных) пословицы специально не выделяются в корпусе, выборка паремий здесь делалась исходя из принятой дефиниции этой языковой единицы. Тем самым мы смогли хронологическую характеристику русской паремиологии углубить до XI в. – начиная с летописных источников и таких произведений древнерусской литературы, как «Изборник» Святослава (1073, 1076). Точные отсылки на соответствующие источники весьма важны уже и потому, что компоненты

пословиц, в них включённые, дефинируются лучшими специалистами по древнерусскому языку.

С источниковедческой паспортизацией связана и проблема корректного отражения формы фиксируемых в разных источниках пословиц и поговорок. Разнобой в орфографии и пунктуации в них весьма велик, и сохранять все разночтения было бы и неуместно и невозможно. Поэтому основным направлением здесь являлась унификация орфографии и пунктуации по принятым ныне правилам.

Таким образом, корректная паспортизация каждой пословицы становится её точным ориентиром в пространстве и времени. Она также позволяет не только весьма надёжно определить, откуда тот или иной лексикограф черпал свой материал, но и – что особо важно – насколько корректно он использовал такой материал и сколь велика его «корректировка» в современных «олитературенных» попытках его описания.

Многие словарные статьи нашего словаря благодаря аутентичности отражения первоисточников представляют собой **своеобразные палимпсесты**, вскрывая слои которых внимательный читатель может добраться до первоисточника с его истинной формой и семантикой. Тем самым словарь даёт концентрированный материал для историко-этимологических и текстологических исследований нашего пословичного наследия. В какой-то мере наш точно паспортизированный материал станет подспорьем и для паремиологических «Шерлоков Холмсов», поскольку с его помощью весьма легко установить, кто у кого «похитил» или просто «взял напрокат» ту или иную пословицу или поговорку. Ведь в европейской (в том числе и русской) популярной паремиологии существует немало «самозванцев», претендующих на приоритет в отражении той или иной пословицы, в то время как она в ходу уже несколько столетий.

Точная паспортизация материала особенно ценна и тем, что позволяет математически точно доказать поразительную «живучесть» фольклора малого жанра во времени и пространстве. Многие русские пословицы, зафиксированные более трёх веков назад и хранимые в архивах, картотеках или старых паремиологических собраниях, продолжают жить на обширной территории России, их употребляют в заброшенных деревнях Архангельщины, Псковщины или Сибири. Вот лишь несколько конкретных примеров такого рода.

Пословица *Не радуйся нашёд (нашот), не кайся потеряв* и её варианты – *Не радуйся нашёд, не тужи, потеряв; Не радуйся нашедчи, не плачь, потеряв; Не радуйся нашедчи, не тужи, потеряв; Не радуйся нашедиши, не плачь, потеряв; Не радуйся нашедиши, не плачь, потерявши; Не радуйся – нашёл, не плачь – потерешь; Не радуйся – нашёл, не тужи – потеряв* – зафиксированы в наших рукописных сборниках с начала XVIII в., включены в знаменитый «Письмовник» Курганова, первое издание которого было в 1769 г., и вошли в собрание В.И. Даля и последующие сборники русских пословиц. А в 1950–60-е гг. пословица записана на Урале собирателем В.П. Бирюковым (*Не радуйся – нашёл, не тужи – потерял* [25. С. 21], а позже (в 1967 г.) сибирскими диалектологами в Иркутской области [12. С. 161].

Такого рода примеры убедительно демонстрируют жизненную силу и долговечность устной традиции, не вытесненной ни книжной культурой, ни телевидением, ни Интернетом. А может быть, даже наоборот – не вытесненной, а усиленной этими новыми средствами массовой информации, на что указывает популярность такого жанра интернетных «приколов», как антипословицы [26].

4. Принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики

Ретроспективный, историко-культурологический комментарий пословиц и поговорок давно уже стал предметом интереса фольклористов, этнографов, паремиологов, а затем и лингвистов. Разработка современной методики историко-этимологического анализа фразеологии [27, 28] открыла перед таким комментированием возможности объективной, научно обоснованной расшифровки внутренней формы фразеологизмов и пословиц. Результаты её были представлены нами и в лингвострановедческих [29], и в функционально-стилистических [30, 31, 32] и в специальных историко-этимологических словарях русской фразеологии [33, 34, 35], а также в ряде популярных публикаций на эту тему [36, 37, 38]. Не случайно поэтому в фундаментальном когнитологическом «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телии [39] именно добытые лингвистическим анализом этимологии русских ФЕ стали стержнем словарных статей, давая информацию для трёх их параметров [40].

Разумеется, в нашей паремиографической трилогии детализированные лингвокультурологические комментарии были бы нецелесо-

образны уже потому, что заняли бы излишне много места: ведь «Большой фразеологический словарь» под ред. В. Н. Телии включил лишь 1 500 русских выражений, в то время как наш трехтомник описывает 155 000 единиц. Тем не менее по мере необходимости мы предлагаем и такую информацию – прежде всего ретроспективно лингвокультурологическую, избегая усложнённых современных когнитологических терминов, не всегда понятных широкому кругу читателя.

Именно поэтому кроме толкований переносного значения в Словаре в случае необходимости приводится и расшифровка образа толкуемого оборота. Нередко такая расшифровка представляет собой более или менее развернутую историко-этимологическую или лингвострановедческую справку, которая даётся под знаком < после отсылки к источникам фиксации поговорки. Отсутствие ссылки на такой источник означает, что комментарий принадлежит составителям данного Словаря. Если в самом источнике содержится такого рода справка, то он приводится в конце всей статьи. При вокабульном гнезде из нескольких поговорок с одним комментируемым компонентом комментарий следует в конце всего гнезда с абзаца. Например:

ДАВИЛКА * **Оказаться в давилках.** *Пск.* Попасть в трудное, безвыходное положение. < **Давилка** – приспособление для ловли белых куропаток [37. С. 115].

КЕРЖАК * **Променять кержаков на лешаков.** *Алт.* Забыть старые традиции, обычаи, правила. *СРГА* 2, ч. 2, 32. < **Кержак** – старообрядец.

ЗЮЗЯ * **У богача денег – что у зюзи грязь.** *Посл. Ирон.* У богатых – множество денег. < **Зюзя** – свинья [6. С. 80].

ЧЁРТ * **попасть куда как чёрт в рукомойник.** *Народн. Ирон.* Попасть в трудное, безвыходное положение. < Из народной легенды-сказания «Инок в лесу», где бес, которому не удастся искушить отшельника, залезает в рукомойник. [6. С. 65]. Ср. легенду, записанную Онучковым в 1828 г. в поселке Тавда Свердловской обл. «– Как мне его искушить? (думает бес). – Никак не может. Залез в мойницу (т.е. умывальник) [41. Т. 18. С. 206].

Нередко роль таких комментариев играют пояснения семантики диалектизмов, входящих в состав народного сравнения. Такого рода исторические, этнографические, мифологические или общекульту-

рологические комментарии даются в конце словарной статьи. Цель таких комментариев – отразить по мере возможности национальную специфику образной системы русского языка и русского мировоззрения. Вот почему в какой-то мере Словарь можно рассматривать и как мозаичную языковую картину русского образного мира в его исторической ретроспективе. Образы описываемых поговорок при этом становятся камешками мозаики, из которых такая картина складывается.

5. Принцип комплексного описания вокабул

Этот принцип также является следствием последовательного воплощения ларинского принципа полноты и предполагает системную характеристику каждого описываемого слова.

Большинство включённых в наши словари единиц описывается по единой последовательной и детализированной композиции:

- 1) вокабульное выражение;
- 2) стилистическая характеристика (употребительность, сфера распространения, экспрессивно-стилистическая квалификация);
- 3) точное и полное толкование значения;
- 4) точная паспортизация источника;
- 5) объяснение истории и этимологии, толкование непонятных (особенно диалектных, иноязычных или жаргонных) слов, входящих в пословицу или поговорку.

Такая структура словарной статьи позволяет, с одной стороны, сделать описание пословиц и поговорок системным и комплексным, с другой – представить языковую и культурологическую специфику каждой из них. Одна из основных задач этой книги – максимально дифференцировать такое описание. Ведь чуткий «потребитель» языка ощущает, что за любыми синонимическими оборотами обычно таится лишь мнимое «тождествословие».

Многие пословицы и поговорки (особенно поговорки и сравнения) в наших словарях дифференцируются и по сфере употребления, и по частотности, и по стилистической принадлежности. Такая дифференциация осуществляется с помощью помет – *книжн.*, *народн.*, *прост.*, *жарг.*; *устар.*, *нов.*; *шутл.*, *ирон.*, *вульг.* и т. п., которые известны читателю по толковым и другим словарям. Экспрессивно-стилистическая градуировка поговорок и усложненность их семантики, отразить которые пытались составители, уходят своими корнями в традиционную группировку их образов. Наблюдения за ком-

понентами пословиц и поговорок «по вертикали» показывают различные закономерности формирования образности для предметных лексем, паремий, основанных на метафорике животного мира, и т. п. Не всегда описываемые в словаре языковые единицы (особенно устаревшие, народные, жаргонные) соответствуют современным бытовым представлениям о каком-л. предмете, веществе или явлении.

Принцип комплексного описания позволил, как кажется, и более дифференцированно подойти к дефиниции пословиц и поговорок. Их толкование – одна из наиболее трудных теоретических и практических проблем лексикографии. Мы стремились избежать упрощенных дефиниций, но в то же время отказывались и от излишне дробного и детализированного толкования. Главной задачей дефиниции является максимальное прояснение семантики оборота и его конкретная привязка к характеризуемому человеку, предмету, явлению или ситуации. Некоторые грамматические характеристики поговорок, отраженные в вокабульной части словарной статьи, при этом в дефиниции традиционно опускаются – как для краткости изложения, так и потому, что они понятны читателю. Так, для большей части глагольной фразеологии через косую черту характеризуются видовые пары глаголов.

Как бы ни полна была коллекция русских пословиц и поговорок, которую мы предложили читателю, она, разумеется, не исчерпывает всего богатства образных средств нашей речи. И не только потому, что какие-либо источники мы не смогли использовать, а из каких-либо диалектных, жаргонных, литературных словарей или паремийно-логических сборников не выбрали весь материал, относящийся к пословично-поговорочной теме. Не полна наша коллекция в первую очередь потому, что живая русская речь постоянно производит новые и новые образные и экспрессивные выражения и их оригинальные варианты. Как бы ни стремились составители словарей их зафиксировать, свободное Слово всегда опережает и будет опережать возможности его фиксации. Ведь, по словам А.С. Пушкина, «разум неистощим в соображении понятий, как неистощим язык в соединении слов». Эта неистощимость соединения слов и есть основа его образной энергетики, его вечной жизни. И мы, лексикографы, имеем счастливую возможность не только наблюдать за вечной жизнью слова, но и увековечивать её различные этапы. Посвящая этому всю

свою жизнь. Как это делает профессор Томского университета Ольга Иосифовна Блинова.

Литература

1. *Полный словарь сибирского говора* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1992. – Т. 1: А–З. – 287 с.; 1993. Т. 2: И–О. – 302 с.; 1995. Т. 3: П–Р. – 224 с.; 1995. Т. 4: С–Я. – 285 с.
2. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Основан Б.А. Лариным. Вып. 1–21. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ / СПбГУ, 1967–2009.
3. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
4. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
6. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М.: Худож. лит. 1957. – 992 с.
7. *Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; науч. ред. Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. – СПб.: Норинт, 2001. – 176 с.
8. *Ройзензон Л.И., Хазова Л.Н.* Материалы к диалектному фразеологическому словарю народных говоров Нижнедевицкого района Воронежской области // Вопросы фразеологии VI. – Самарканд, 1971. – С. 290–306.
9. *Ройзензон Л.И., Андреева Л.А.* Словарь русской диалектной фразеологии Олхонского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. – Вып. 6. – Самарканд, 1972. – С. 114–204.
10. *Ройзензон Л.И., Балясников А.В.* Словарь диалектной фразеологии деревни Коты Оёкского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. – Вып. 6. – Самарканд, 1972. – С. 325–341.
11. *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири* / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1972. – 207 с.
12. *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
13. *Прокошьева К.Н.* Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. – Пермь: Перм. пед. ин-т 1972. – 114 с.
14. *Прокошьева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. – 432 с.
15. *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. – 312 с.
16. *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры* / сост. Н.А. Ставшина. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 1: А–М. – 416 с.; Т. 2: Н–Я. – 420 с.
17. *Словарь образных слов и выражений народного говора* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во НТЛ, 1997. – 208 с.

18. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. – 2-е изд. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 312 с.
19. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 230 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.
21. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. – Л.(СПб.): Наука, 1984–2004.
22. Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) / под ред. О.С. Мжельской. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004; Вып. 2. – 2006; Вып. 3. – 2010.
23. Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 232 с.
24. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1–3. – СПб., 1893–1912.
25. Бирюков В.П. Крылатые слова на Урале / собрал и сост. В.П. Бирюков. – Свердловск, 1960. – 117 с.
26. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Изд. Дом «Нева», 2005. – 578 с.
27. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1980. – 207 с.
28. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – 2-е изд. – М., 1989. – 287 с.
29. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М.: Рус. яз., 1990. – 222 с.
30. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Рус. словари, 1997. – 864 с.;
31. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: 2-е изд. – М.: Рус. сл.: Астрель, 2001. – 855 с.
32. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – 3-е изд. – М.: Рус. словари: Астрель, 2005. – 855 с.
33. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
34. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. – 2-е изд., испр. / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.
35. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Ист.-этимол. словарь. Ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926. [2] с.
36. Мокиенко В.М. Вглубь поговорки. – М.: Просвещение, 1975. – 174 с.; 2-е изд. Киев: Радянська школа, 1989. – 221 с.; 3-е изд. – СПб.: ИД «МиМ»: «Паритет», 1999. – 221 с.; 4-е изд. – СПб.: Авалон: «Азбука-классика», 2005. – 256 с.; 5-е изд. – СПб.: Авалон: «Азбука-классика», 2008. – 256 с.
37. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – М.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с.
38. Мокиенко В.М. От Авося до Ятя. – СПб.: Изд-во СПбГУ ун-та, 1998. – 491 с.

39. *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

40. *Мокиенко В.М.* Культурно значимые смыслы фразеологических единиц как их историко-этимологическая ретроспекция (на материале Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией проф. В.Н. Телия) // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею доктора филологических наук профессора Вероники Николаевны Телии. – Т. 1: Язык. Ментальность. Культура. – Москва; Тула, 2010. – С. 224–231.

41. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 1–41. – Л.(СПб.), 1965–2007. (Издание продолжается).